

С. О. Куприянова

НОМИНАЦИИ АДРЕСАТА В КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСНЯХ

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье на сюжетном и коммуникативном уровне рассматриваются способы именования адресата при исполнении колыбельной песни. Внесение имени указываемого ребенка в текст колыбельной является одним из параметров, связывающих ситуацию исполнения текста с его сюжетом и обеспечивающих суггестивное воздействие практики колыбельных. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: колыбельные, обращение, имя собственное.

THE ADDRESSEE NOMINATIONS IN LULLABIES

S. O. Kupriyanova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article considers the ways to name the addressee in lullabies at the subject and communication levels. Introduction of a lulled child's name into the lyrics is one of the parameters connecting the situation of the text performance with its plot and providing suggestive impact of lullabies. Refs 18.

Keywords: lullabies, form of address, proper noun.

Колыбельные песни появляются среди первых высказываний, адресованных ребенку, и обладают большой суггестией. О том, что речи свойственно внушение, писал историк Б. Ф. Поршнев [Поршнев, с. 11]. Идет ли речь о сообщаемых фактах или информация содержит какие-либо побуждения к действию (совет, просьба, приказ) — в любом случае высказывание влияет на того, кому оно адресовано. Б. Ф. Поршнев рассматривает, как постепенно формируются механизмы сопротивления прямому внушению. Одним из средств психологической защиты является недоверие, однако оно отсутствует у детей примерно до 8–11 лет [Поршнев, с. 12].

При рассмотрении колыбельных песен возникает вопрос организации текстов, предназначенных для успокоения ребенка. Я предполагаю, что использование в тексте песни имени реального адресата является одним из параметров, который позволяет связать ситуацию исполнения фольклорного произведения с планом сюжета. Для того чтобы обосновать высказанное предположение, рассмотрим, как именуется адресат в ситуации убаюкивания.

Для анализа способов именования адресата на уровне сюжета и коммуникации был составлен корпус материалов, содержащих тексты колыбельных песен (190 единиц), из архангельской и вологодской коллекций Фольклорного архива СПбГУ.

Номинация адресата колыбельных песен происходит в двух планах коммуникации. С одной стороны, текст адресован младенцу. Посредством именования адресата происходит соединение реальности исполнения и реальности текста. С другой стороны, в колыбельных мы находим большое количество обращений к персонажам, что отражено, например, в классификации колыбельных, предло-

женной А. Н. Мартыновой [Мартынова, с. 103]: она выделяет группы императивных и повествовательных песен, куда входят пожелания ребенку и обращения к различным существам — животным и мифологическим персонажам. При адресации второго типа субъект речи обращается к персонажам колыбельной, которые находятся только в реальности текста, в изображаемом мире¹, и не имеют денотата в реальности исполнения. Для дальнейшего анализа различение двух названных типов адресации является значимым, поскольку в этом случае учитывается связь события укачивания и сюжетного плана текста.

Всего в корпусе было выделено 128 обращений к предполагаемому адресату (ребенку). Из них 49 (38 %) представляют собой имена собственные, а 79 (62 %) — имена нарицательные.

Среди имен собственных, употребленных в качестве обращения, самой распространенной является краткая форма имени (29 употреблений), используется имя собственное с диминутивом (19 употреблений); 4 раза встретилась полная форма имени; 3 раза имя с приложением (например, Максимушка-дружок); 2 раза имя с притяжательным местоимением «мой»; 1 раз удвоение имени (Леша-Леша).

С. Б. Адоньева в статье «Имя и обращение» [Адоньева, с. 233–234] отмечает, что формы именовании собеседника связаны в первую очередь со статусом участников коммуникации. В северно-русской деревенской традиции форма обращения взрослого к ребенку предполагает использование в этой функции краткой формы имени собственного, что вполне подтверждается материалами корпуса колыбельных песен. Однако анализ показал, что при обращении к ребенку в колыбельных гораздо более употребительными являются не формы имени собственного, а различные номинации, выраженные именем нарицательным.

Самое распространенное именование адресата — различные формы с использованием лексемы «дитя» (39 форм):

Дитя — 12; милое дитя — 3; дитя мое родное — 5; дитятко родно — 1; мое дитя — 2; дитятко мое — 2; дитятко — 1; дитя моя — 8; родно мое дитя — 1; дитя мое хорошее — 1; дитя мое прекрасно — 1; деточка моя — 1.

Ниже в порядке убывания представлены остальные формы именовании адресата.

Младенец мой прекрасный — 7.

Милушка моя — 2.

Хорошая — 2; хорошенький — 1.

Милый — 1.

Голубушка — 1; голубушка моя — 1; голубчик — 1.

Зайнышка — 1; мой зайчик — 1.

Моя девочка — 1; мой мальчик — 1.

Ангел — 1; мой ангел — 1.

Сынушко — 1; мой сыночек родной — 1.

Маленькая — 1; мой малыш — 1; мала детонька — 1; малютка — 1; моя крошечка — 1; маленька — 1; мой маленький — 1;

Мой звоночек — 1.

¹ Под изображаемым миром я понимаю, вслед за литературоведом В. Шмидом, внутреннюю реальность текста, план сюжета [Шмид, с. 24].

Миленья — 1.

Козленок — 1.

Робя — 1.

Итак, при обращении к укачиваемому ребенку в колыбельной песне самой распространенной является форма именования «дитя». Рассмотрим семантику этого слова, обратившись к словарям и бытованию лексемы в различных жанрах фольклора.

М. Фасмер отмечает, что «дитя восходит к и.-е. *dhei — кормить грудью, сосать» [Фасмер, с. 516]. То есть первоначально так называли именно маленького ребенка, младенца.

В «Словаре русского языка XVIII века» фиксируется основное значение 'ребенок', однако отмечено и то, что слово употребляется при обращении старшего к младшему, родителей к детям [СРЯ XVIII в., вып. 6, с. 141].

В Толковом словаре В. И. Даля говорится, что «дитятей называли до 14 или 16 лет, когда детство переходит в отрочество. Дитятко. Говорится и взрослому. Дети. Сыновья и дочери, в отношении к родителям, и взрослые» [Даль, с. 1086].

И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» фиксирует несколько значений слова: 1. Дитя, младенец. 2. Отрок, юноша. 3. Сын или дочь, без отношения к возрасту. 4. (мн.) Паства [Срезневский, с. 799].

«Большой академический словарь русского языка»: «1. Мальчик или девочка младшего возраста, маленький ребенок. 2. Малолетний сын или дочь. 3. Ласковое обращение к девушке или юноше. 4. Тот, кто является характерным представителем какой-л. среды, эпохи и т. п.» [БАС, с. 128–129].

Можно отметить, что именование означает не только то, что речь идет о младенце, но также и то, что оно используется при обращении старших к младшим.

В свадебной лирике обнаруживается большое количество употреблений слова «дитя» по отношению к жениху или невесте.

В свадебной песне так называют невесту:

Разлилась-разлеялась
По лугам вода полая,
Унесла, улелеяла
У Петра дитя милое.
Не лебедушка кричала,
Ее матушка кликала:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Ты забыла золоты ключи...

[Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, с. 192].

Также именование «дитя» может быть обращено и к жениху:

...Что одна ли стара-матера жена,
Что с по имени (имя и отчество),
Во руке она носила воску яровы свешшы,
Перед чудны образа свешшы засвечивала,
Отошедши сама Богу взмолилася:
Ты святыи Боже, Лука, солучи мое дитя

Еще молода Василья со Марьею,
Еще молода Иваныча с Васильевной

[Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, с. 36–37].

В былине «Василий Буславьевич» мать Василия после его смерти обращается к нему, называя его «дитя»:

Плакала маменька родимая:
«Ишше ты мне, дитятко, малешенько,
Умом-разумом веть ты, дитя, глупешенько!...»

[Архангельские былины, с. 463].

Итак, использование номинации «дитя» означает не столько возраст адресата, сколько формат отношений между адресантом и адресатом. Такое обращение характерно для ситуации, когда старший обращается к младшему, и не зависит от возраста последнего. Как видно из приведенных примеров, слово «дитя» может быть обращено не только к младенцу, но к жениху, невесте, взрослым детям.

Рассмотрим другие частотные формы обращений к ребенку, используемые в колыбельной песне. Во многих жанрах прилагательное «хороший» — это постоянный эпитет жениха или невесты, жены.

Не этот ли, матушка, Митрей князь,
Не этот ли, сударыня, Васильёвиць?
Сказали про Митрея — хорош, пригож

[Беломорские старины, с. 706].

Князь Михайло, возвращаясь домой, спрашивает у матери о своей жене Марфиде, называя ее «красна, хороша».

«Уш ты, маменька моя родная,
Ишше где моя беляна,
Красна хóроша Марфида?» —
«Красна хóроша Марфида
Ушла в парну баенку помытьцэ» [Беломорские старины, с. 704].

Номинации «милушка» и «голубчик» оказываются формой обозначения близких отношений между девкой и парнем или между женой и мужем.

В песне «Не стойки по стойкам стоят...» жена просится у мужа домой, навестить родителей, обращаясь к нему таким образом:

Походя, во гости просится:
«Охъ ты, млада моя, милушка,
Мужъ, удала головушка!
Ты спусти-тка меня въ гости [Соболевский, с. 153].

«Голубушка» и «голубчик» также обозначают формат отношений близости, любовные отношения.

Вечор поздно был я у тебя,
Голубушки со мной нет, —
Улетела на тот свет,
А я, гуля, за ней в след;

Возвивался выше всех,
Опушался над горой.
Из под горки кровь ключем бежит,
Тут голубушка моя лежит;
Еще кто ее убил?
Кто ее прежде любил, тот и убил:
Любил барин дворянин,
С барского двора лакей

[Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. II, с. 211].

В словарях зафиксирована следующая семантика существительных «голубушка», «голубчик». Помимо первого основного значения ‘птица’ отмечается, что эта лексема используется при обращении к мужчине или женщине.

«Голубчик, голубушка. также умалит., но более говорится как ласка, привет молодому человеку, иногда и в виде снисхождения. Голубить. приголубливать, ласкать, миловать, нежить» [Даль, с. 915].

«Голубушка. Ласково — о женщине (чаще в обращении)»; «Голубчик. Ласково — о мужчине (чаще в обращении)» [СРЯ XVIII в., вып. 6, с. 160].

«Голубушка. Разг. Ласково-фамильярное обращение к женщине»; «Голубчик. Разг. Ласково-фамильярное обращение (обычно к мужчине)» [БАС, с. 262].

Во-первых, подобное обращение зафиксировано в словаре языка XVIII в. Вторых, как и в необрядовой лирике, это обращение принято в любовном общении между мужчиной и женщиной; в речевых жанрах, обращенных к ребенку, встречается только в жанре колыбельных песен.

Итак, при рассмотрении некоторых обращений к ребенку в жанре колыбельных песен можно отметить, что наиболее распространена номинация «дитя», которая обозначает формат отношений патронажа (заботы и попечения старшего в отношении младшего), но также при обращении к ребенку может использоваться лексика, характерная для формата близких любовных отношений. Можно предположить, что в любовном лексиконе эти номинации появляются, ибо были усвоены еще в детстве через колыбельные, и в дальнейшем используются в других жанрах, поскольку служат для выражения любви, заботы и патронажа.

В корпусе колыбельных песен встречаются примеры, в которых наши собеседники отмечают, что в текст колыбельной необходимо вставить имя реального адресата.

Приходил к нам бабай...
Говорил... там... ребенка отдай
Мы сказали — не дадим,
Например, Юра — Юра нужен нам самим. [ФА СПбГУ, Мез10–193].

А. Н. Мартынова приводит примеры заговорных текстов, построенных по той же модели, что и колыбельная. И в том и в другом случае для того, чтобы действие, совершаемое посредством речи, состоялось, необходимо вставить в сюжет имя участника коммуникации. «Сон-угомон просят у зари: “Магушка заря-заряница, заря красная девица... Наши дети кричат, плачут, нас угомона просят, дай сон-угомон младенчику (имя рек). Аминь”» [Мартынова, с. 108].

В заговорах встречается формула призыва сна и дремы — такая же, как в колыбельной песне: «Если дитя не спит, то три зари носят его в курятник и, держа его в курах, говорят следующее до трех раз: “Курица, возьми бессонницу у младенца такого-то, называя его по имени, дай свой сон, сон да дрема младенцу в голова”» [Мартынова, с. 108].

Всего в корпусе встречается 13 текстов, иллюстрирующих тезис о том, что ситуация исполнения требует использования имени участников коммуникации. В зависимости от того, в какую позицию (коммуникативный или сюжетный план текста) необходимо подставить имя, можно выделить два типа текстов.

В текстах первого типа встречаются следующие мотивы²:

— Мотив изгнания вредителя.

Изгоняемыми персонажами могут быть бука, бабай, котонай.

Ходит бука по сараю,
Говорит, что я Сашу напугаю.
Не ходите, буки, к нам,
Я вам Саши не отдам.
Это так подпевала.
Саша да Таня, Сережа да Миша, да Витя, да вот... много

[ФА СПбГУ Ваш10–59].

— Мотив пугания-предупреждения. В нашем корпусе этот мотив представлен текстами про волчка.

Баю-баюшки-баю,
не ложисе на краю, (скажет)
прибежи серый волчок,
схватит (там, кого имя) за бочок,
утащИт в лесок,
бросит там под кустик,
и домой не пустит [ФА СПбГУ Мез10–184].

— Мотив призыва успокоителя. Сюда относятся формулы «приди, кот, ночевать» и «прилетели гуленьки».

Котенька-коток,
Ой ты, серенький лобок,
Поди, Котя, ночевать,
У нас, например, Васеньку качать или Ниночку качать

[ФА СПбГУ Мез10–84].

Люли люли люленьки
Да прилетели гуленьки
Стал(ы) Ваня засыпать. Тут можно вот назвать

[ФА СПбГУ Мез10-77].

---

² В.В. Головин подчеркивает, что «основной структурообразующей единицей колыбельной песни является мотив, всегда имеющий функциональный смысл. Можно сказать, что мотивы колыбельной, по преимуществу, формульны, так как они устойчивы, стереотипизированы, ритмически упорядочены» [Головин, с. 21].

Тексты второго типа, когда имя адресата используется на коммуникативном уровне, представлены только мотивом побуждения ко сну.

Уговаривашь там, спи, маленькая, фамилию называешь, имя, вот. Баюшки, бай, бай, спи, миленькая, засыпай, глазки крепче засыпай [ФА СПбГУ Бел10–48].

Бай, бай, поскорей засыпай. Там... бай, бай, бай, бай, там, Ваня, бай или Оля, бай, поскорее засыпай [ФА СПбГУ Леш10–168].

В колыбельных песнях имя укачиваемого ребенка гораздо чаще употребляется в плане сюжета, чем в плане речи. Так, анализ нашего корпуса показал, что имя собственное адресата в плане сюжета было употреблено 195 раз (80 %), тогда как при обращении только 49 раз (20 %).

Рассмотрим, какие формы имени собственного представлены в плане сюжета. Как и в случае с обращением, чаще всего встречается краткая форма имени собственного (135 употреблений); имя собственное с уменьшительно-ласкательным суффиксом используется 55 раз; полная форма имени была употреблена только 5 раз. Эти показатели совпадают с употреблением имени собственного в плане речи (обращение).

Номинации адресата в плане сюжета с использованием имени нарицательного встречаются гораздо реже (всего 28 употреблений). В плане сюжета встречаются те же формы, что и в плане речи.

Номинация «дитя» — 11 раз;
маленькая моя — 1; моя маленькая — 1; малу девочку — 1; маленького — 1;
моя жаленькая — 1;
дочка дорогая — 1;
ребятки маленьки — 1; ребенка — 1;
сынушко — 2; дочка — 1; дева — 1;
мальчишка — 1; девочка — 1; мала девочка — 1;
милый яблочок — 1 раз.

В корпусе есть 20 текстов, в которых одновременно присутствует обращение к адресату (ребенку) и его номинация в плане сюжета. Например,

Баю-баю, баю-бай,
Да спи ты, Даша, засыпай.
Бай-бай-бай,
Да не ходи к нам, котонАй.
Баю-баю, баю-бай,
Да нашу Дашу не пугай.
Приди, кОтя, вечером
Да напоИ(т) Даша чайком.
ЧАём, ко-офеЁм, сладкой во-одочкою.
Сладка водка на меду,
Да Даше не спится на свету [ФА СПбГУ Мез10–56].

В этом случае номинации адресата в плане сюжета и в плане речи могут совпадать полностью (7 примеров). Как, например, в приведенном выше тексте: адресат будет назван именем собственным и при обращении к нему, и при его именовании как одного из персонажей в плане сюжета. В остальных примерах (13 случаев) при

обращении к адресату будет использовано имя нарицательное (например, *дитя*), а в плане сюжета адресат обязательно будет назван по имени.

Анализ номинаций в колыбельных песнях позволил прийти к следующим выводам. В плане речи наиболее употребительными являются номинации, выраженные именем нарицательным. В корпусе было выделено 49 форм (38%) имени собственного и 79 форм (62%) имени нарицательного (рис. 1).

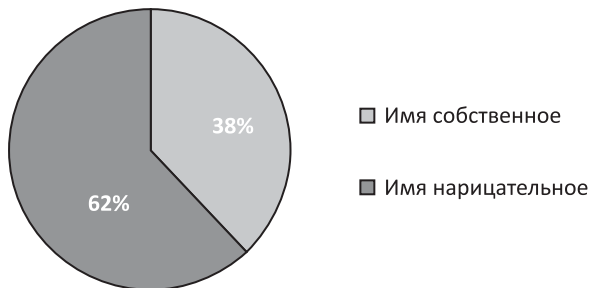

Рис. 1

В плане сюжета имя ребенка употребляется гораздо чаще: 79 форм имени собственного (87%) и 28 форм (13%) имени нарицательного (рис. 2).

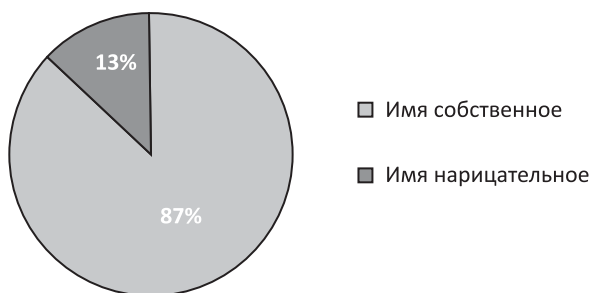

Рис. 2.

Для жанра колыбельной важно не только назвать ребенка по имени, обратившись к нему, но необходимо сделать его одним из персонажей колыбельного мира. Изменение реальности в жанре колыбельных и связь с реальным миром, в котором находится адресат колыбельных песен, происходит через трансформации на уровне сюжета. Посредством имени происходит связь двух реальностей: условного изображаемого мира колыбельной и мира реального.

Литература

Адоньева С. Б. Имя и обращение // Канун: альм. Вып. 6: Чужое имя. СПб.: Канун, 2001. С. 232–245.
Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: в 3 т. Т. III, ч. 4: Мезень. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 703 с.

- БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 4: Г — День. М.; СПб.: Наука, 2006. С. 678.
- БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 5: Деньга — Жюри. М.; СПб.: Наука, 2006. С. 694.
- Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / подгот. текста С. Н. Азбелева, Ю. И. Марченко; под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 1080 с.
- Великорусские народные песни / изданы А. И. Соболевским. СПб.: Гос. тип., 1897. Т. III. 512 с.
- Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi Univ. Press, 2000. 451 с.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэн де Куртене. В 4 т. Т. 1: А — З. М.: Терра, 2000. С. 912.
- Мартынова А. Н. Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. 1974. № 4. С. 101–116.
- Песни, собранные П. В. Киреевским: нов. сер. / под ред. В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского. Вып. I: Песни обрядовые. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. 356 с.
- Песни, собранные П. В. Киреевским: нов. сер. / под ред. В. Ф. Миллера, М. Н. Сперанского. Вып. II, ч. 2: Песни необрядовые. М.: Тип. Кооператива «Наука и Просвещение», 1929. 389 с.
- Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М.: Наука, 1971. С. 7–35.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Т. 1: А — К. М.: Знак, 2003.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. (А — Д). М.: Терра, 2008. С. 574.
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
- СРЯ — Словарь русского языка XVIII века. Т. Вып. 5: Выпить — Грызть. М.: Наука, 1989. С. 255.
- СРЯ — Словарь русского языка XVIII века. Т. Вып. 6: Грызться — Древный. М.: Наука, 1991. С. 256.
- Фольклорный архив Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра истории русской литературы филологического факультета СПбГУ.

Для цитирования: Куприянова С. О. Номинации адресата в колыбельных песнях // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 24–33. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.303.

References

- Adonyeva S. B. Imia i obrashhenie [Name and Addressing]. *Kanun [Eve]*. Vol. 6: Chuzhoe imja [Strange Name]. St. Petersburg, Kanun Publ., 2001, pp. 232–245. (In Russian)
- Arhangel'skie byliny i istoricheskie pesni, sobrannye A. D. Grigor'evym v 1899–1901 gg. s napevami, zapisannymi posredstvom fonografa: v 3 t. [Arkhangel'sk Heroic Poem and Historical Songs Collected by A. D. Grigoryev in 1899–1901 with Melodies Recorded by Phonograph. In 3 vols.]. Vol. III, part 4. Mezen'. St. Petersburg, Tropa Trojanova Publ., 2003. 703 p. (In Russian)
- Belomorskie stariny i duhovnye stihy: sobranie A. V. Markova [Belomorsk Antiques and Spiritual Songs: Collection of A. V. Markov]. Ed. by T. G. Ivanova; text preparation S. N. Azbelev, Ju. I. Marchenko. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2002. 1080 p. (In Russian)
- Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4: G — Den'. Moscow; St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 678 p. (In Russian)
- Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 5: Den'ga — Zhjuri. Moscow; St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 694 p. (In Russian)
- Dal V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: in 4 t. [Live Great Russian Language Dictionary. In 4 v.]. Vol. 1. A — Z. Moscow, Terra Publ., 2000. 912 p. (In Russian)
- Fol'klorny arhiv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [St Petersburg University Archive of Folklore]. Department of History of Russian Literature SPbU. (In Russian)
- Golovin V. V. Russkaia kolybel'naia pesnia v fol'klоре i literature [Russian Lullabies in Folklore and Literature]. Turku, Åbo Akademi Univ. Press, 2000. 451 p. (In Russian)
- Martynova A. N. Opyt klassifikacii russkikh kolybel'nyh pesen [Tentative Classification of the Russian Lullabies]. *Sovetskaia Etnografia [Etnograficheskoe Obozrenie]*, 1974, no. 4, pp. 101–116. (In Russian)
- Pesni, sobrannye P. V. Kirееvskim: novaia seria [Songs Collected by P. V. Kirееvsky: New Series]. Eds. V. F. Miller, M. N. Speranskii. Vol. I: Pesni obriadovye [Ritual Songs]. Moscow, A. I. Snegireva Publ., 1911. 356 p. (In Russian)

- Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim: novaia seriia* [Songs Collected by P. V. Kirieevsky: New Series]. Eds. V. F. Miller, M. N. Speranskii. Vol. II, part 2: *Pesni neobriadovye* [Non-Ritual Songs]. Moscow, Nauka i Prosveshchenie Publ., 1929. 389 p. (In Russian)
- Porshnev B. F. *Kontr suggestiia i istoriia* [Contrasuggestiveness and History]. *Istorija i psihologija* [History and Psychology]. Eds. B. F. Porshnev, L. I. Ancyferova. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 7–35. (In Russian)
- Schmid W. *Narratology*. Moscow, Iazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2003. 312 p. (In Russian)
- Slovar' russkogo iazyka XVIII veka* [Russian Dictionary of the XVIII Century]. Vol. 5: *Vypit' — Gryzt'*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 255 p. (In Russian)
- Slovar' russkogo iazyka XVIII veka* [Russian Dictionary of the XVIII Century]. Vol. 6: *Gryzt'sja — Drevny*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 256 p. (In Russian)
- Sreznevskij I. I. *Materialy dlja slovaria drevnerusskogo iazyka: v 3 t.* [Materials for Old Russian Dictionary. In 3 v.]. Vol. 1: A — K. Moscow, Znak Publ., 2003. 776 p. (In Russian)
- Vasmer M. J. F. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka: v 4 v.* [Etymological Dictionary of the Russian Language. In 4 v.]. Vol. 1: (A — D). Moscow, Terra Publ., 2008. 574 p. (In Russian)
- Velikorusskie narodnye pesni* [Great Russian Folk Songs]. Ed. by A. I. Sobolevskij. Vol. III. St. Petersburg, State Publ., 1897. 512 p. (In Russian)

For citation: Kupriyanova S. O. The Addressee Nominations in Lullabies. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 24–33. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.303.

Статья поступила в редакцию 23 октября 2015 г.

Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Куприянова Софья Олеговна — аспирант; 2777472@gmail.com

Kupriyanova Sofia O. — Postgraduate; 2777472@gmail.com